

УДК 821.161

КОРОБА ЖИЗНИ. К ВОПРОСУ О МЕТАФИЗИЧЕСКИХ ИСКАНИЯХ В. РОЗАНОВА

Нина Раковская, канд. филол. наук, доцент

*Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова
svitova_literatura_onu@ukr.net*

В статье рассматривается литературно-критический дискурс В. Розанова, связанный с поиском критиком своего места в культурном пространстве. Интерпретируется путь критика от бессознательных рефлексивных стратегий к систематизации своей концепции, суть которой состоит в синтезе понятий — Бог, природа, человек, пол, семья. Указывается, что размышления В. Розанова касаются проблемы понимания, реализуемой в его собственно созданном тезаурусе. Акцентируется развитие метафизических идей критика от статьи «Святое чудо бытия» до циклов «Короба». Отмечается, что внешне объективная информация содержит внутреннее субъективное состояние души, дескрипцию святости. Очевидна интимизация исследуемых объектов наблюдения (жизнь — бытие).

Ключевые слова: критика, метафизика, ландшафт, знаковые коды отца и матери, божественное и стихийное.

Постановка проблемы. Литературная критика к. XIX — н. XX в. находится в центре внимания литературоведов, начиная с 90-х гг. XX в. За этот период изданы монографии В. Крылова, С. Кочетовой, С. Яковенко и др. Целью данной статьи является уточнения ряда положений в незавершенной системе интимной философии В. Розанова. Акцент делается на самовыражении критика, его стремлении перекодировать ряд традиционных понятий в собственно созданном тезаурусе.

Заметим, что уже в последней трети XIX в. в литературе усиливается авторская субъективность. Модель мира в критической мысли ориентирована на познание чувственного, интуитивного, бессознательного. В значительной степени этому явлению способствует романистика Ф. Достоевского и Л. Толстого. Переходность нового времени (к. XIX — н. XX в.) отразилась в философских размышлениях о конечности и бесконечности человеческого существования, «тайне человека». Акцентируются концепции А. Шопенгауэра, С. Кьеркегора, Ф. Ницше. Мыслящий художник представлялся критику человеком, сформированным многовековой национальной и европейской культурно-исторической традицией, ощутившим её исчерпанность

и оказавшимся один на один с вековыми философскими и эстетическими проблемами. Характерным становится представление о трехфазном развитии человечества и культуры:

1) объективно-антропоцентрическое, в котором человек наивно считает себя объективным центром мира; 2) эксцентрическое, в котором особое значение присваивается объективному миру, подчиняющему себе человека; 3) субъективно-антропологическое, в центре которого «естественный» человек.

Детьми «разлада и распада» назвал писателей «новейшей русской литературы» В. Львов-Рогачевский. Действительно, в к. XIX — н. XX в. началось разрушение классической эстетики, ослабление генетических связей между писателями прошедшего времени и художниками новой эпохи. О «ничто» как об основе бытия писал Ф. Ницше в работе «Веселая наука»: «И не блуждаем ли мы в бесконечном ничто? И не зевает ли нам в лицо пустота?» [5, с. 572]. Трагический пафос подталкивал писателей и критиков к поиску разнообразных эстетических форм воздействия на читателя. Обозначались различные концептуальные объяснения Абсолюта; более того, трагический характер русской жизни, роковое и фатальное в судьбах художников способствуют усилению экзистенции. Особенно отчетливо идеи конечного и бесконечного бытия отражаются в сознании В. Закржевского, В. Розанова, Л. Шестова. Неслучайно М. Бубер считал, что к самосознанию склонен и способен человек, который в зависимости от своего характера или от своей судьбы, или от того и другого вместе, остается наедине с самим собой и своими размышлениями, через них он выходит к постижению проблем человека и человечества в целом [3, с. 54]. В этом плане особый текст-дискурс создает В. Розанов.

Познавая мир В. Розанова, необходимо, на наш взгляд, обратиться к некоторым самооценкам критика. Вот что он пишет в начале своего творческого пути: «Форма: а я бесформенный. Порядок и система: а я бессистемен и даже беспорядочен... Что-то адское» [8, с. 483]. Обращение к универсуму возникло тогда, когда: «Бог поселился во мне» [8, с. 491]. В конце жизни В. Розанов замечает: «Два ангела сидят у меня на плечах: ангел смеха и ангел слез. И их вечное пререкание — моя жизнь» [8, с. 492].

В текстах В. Розанова проблема понимания и откровения «сходятся» как экзистенция и смысл, свобода и необходимость. Возникает, как нам представляется, рефлексивная стратегия «параллельного

письма», допускающего авторскую множественность смыслов в едином пространстве текста.

В этом плане можно вести речь об одновременном возникновении софиологической и биоцентрической идей В. Розанова. Критика В. Розанова постепенно приобретает интегративный характер. В. В. Зеньковский полагал, что суть биоцентризма В. В. Розанова заключалась в его осмыслении мира, который создан не только рационально, но и священо [4, I, с. 258].

Неслучайно критик выделял малый и большой мир человека. «Малый мир» содержит все открыто выраженные болевые точки, страдания; «Большой мир» — мир таинственный, божественный. Большой мир можно осмыслить только в глобальном диалоге, в котором сталкиваются разные идеи, аргументы, факты в одно целое текста, «собирающего» общую истину. Так возникают письма, фрагменты, цитаты, которые будучи включенными в тексты критика, оказываются завершенными уже в новом текстовом (и бытийном) окружении. Это неклассическая стратегия смыслогенеза — смысл выстраивается не как приведение к уже данному или известному, а возникает в пространстве сопоставлений. Отметим особую роль православного дискурса, сыгравшего роль монологического ядра, «универсального словаря» культуры, перекодируя который сформировалась индивидуальная розановская мифология в диалогическом мире мнений и многоголосий. Мифотворчество В. Розанова означало попытку деконструировать предыдущий опыт мифологизаций и переписать традиционные «объекты», такие как Бог, душа, природа, свобода, семья на новом языке. Душа В. Розанова оказывается вместилищем самых противоположных состояний и чувств и может быть представлена как «дескрипция субъективной природы творчества». В создаваемых «коробах» В. Розанов постоянно «изменял словарь», в котором были описаны явления мировой литературы и культуры. Он соединял обыденность и поэтичность, обыкновенность и афористичность. И когда мы определяем в качестве доминирующей его теорию понимания и объяснения, то указываем, что для В. Розанова — это поиск того, чем живет душа. Душа живет непрерывно, каждое мгновение, и читатель постоянно ощущает ее восклицания, шумы, вскрики. Душа подобна листопаду переживаний и откровений, которые гибнут в безызвестности, как гибнут опавшие с деревьев листья (цикл «Опавшие листья»). Таким образом, В. Розанов

решил вербализовать в своем индивидуальном словаре шелест собственной души, остановить мгновение «эфемерного вздоха» в «вечности» печатного слова и сделать его объектом воспринимающего сознания. Ирония, используемая как интеллектуальный прием, призвана скрыть душевное страдание критика. Страдание является результатом различных состояний человека (инобытие, т. е. смерть, входит в ее круговорот). В текстах В. Розанова возникает мир Ф. Достоевского, размышляющего о человеческом сердце как поле борьбы Бога и дьявола. Так соединяются автор, голоса — сознания — душа — Бог в целое. В. Розанов разрабатывает собственную знаковую систему (БИ, коды, символы), хотя и понимает, что любая система оставляет за скобками неисчерпаемость предмета. Между реальностью (отражением) и словом (знаком) выстраивается сознание, объективируемое в языке (письме).

Именно поэтому для В. Розанова важен опыт Ф. Достоевского, который разрушил иллюзию реализма, состоящую в сознании видимости, что «объективная действительность» сама по себе содержит исторический и экзистенциальный смысл. Для того, чтобы понять и оценить человека, требовалось лишь, чтобы автор вставил его в обстановку объективного исторического процесса; Рудин, Обломов, Лаврецкий, Базаров — по-видимому, автору стоило только показать их на сцене истории и осветить обстоятельства их поступков — и весь их *habitus* и *raison d'être* был бы доступен читателю (В. Шмидт). Эта иллюзия оказалась неприемлемой для Ф. Достоевского. Он считал её не только неверной, но и опасной. Разрушал Ф. Достоевский эту иллюзию тем, что настаивал на субъективности речи и на субъективности смысла — на том, что человеческий, исторический смысл есть смысл языковой и что язык сам по себе субъективен и иллюзорен. В связи с чем Ф. Достоевский создавал своего подпольного человека — прямого антипода объективному реалистическому автору. Если автор делает вид, будто его субъективность ни при чем — т. е. будто бы действительность сама по себе имеет смысл и «способна» объяснить жизнь человека, определить ему цену, то подпольный автор отвергает данную модель и настаивает на том, что никто иной, как он сам «как свободный субъект придает смысл бытию» [8, с. 439].

В «Записках из подполья», на пути к большим романам, повторяется тот момент, о котором писала Рената Лахман, — когда изображаемое заменяется медиумом изображения; и если в 1840-е годы это

было моментом стилистической полемики, то теперь полемика идет на философском уровне. Романы Ф. Достоевского должны были показать, что человек, изолированный в земной истории, теряет смысл, ибо чисто исторический смысл — субъективен и бесконечен и ведет *ad infinitum* и *ad absurdum*.

Такая розановская интерпретация Ф. Достоевского направлена на систематическое «высвобождение смыслов, которые возникают, изменяются, гибнут в зависимости от господства звучащих в нем «подголосков» (коннотаций)». «Иной слушает слова, понимает их связь и связанно на них отвечает, но он не уловил «подголосков», теней звука «под голосом» — а в них-то, и притом в них одних, говорила душа» [7, с. 397]. Для того, чтобы сохранить душу писателя, необходимо донести до читателя неслышимый через печать голос авторского текста, сохранить уникальность авторского замысла, — замечал критик. В. Розанов как бы предвосхищает судьбу собственных работ. Видимо поэтому он вносит в текст «Опавших листьев» понятие-символ «короб». Он является важным элементом в процессе осознания и адекватного прочтения его текстов. В коробах, как известно, в дореволюционных библиотеках хранились архивы, документы, относящиеся к прошлому. Введение понятия короб-архив придает поэтической форме листьев вид объективной информации. В то же время слово «короб» рождает ассоциацию временной неопределенности сложенных в него листьев, которые приобретают налет архаической и эпической древности (когда-то, давно, некогда), былинных времен, когда писались только манускрипты, в которых, как святыня и тайна, хранилась скрытая истина. Поэтому содержание «Опавших листьев» при сохранении темы — описания души меняет свое оформление. В короба своей жизни складывает В. Розанов документально зафиксированные и фактами подтверждаемые моменты душевной жизни, фотографически проиллюстрированные и даже запрототолированные, например, в виде точных подписей на фотографиях или точных указаний мест. С другой стороны, короб, соединившись с ритмизованной прозой, создает рукописный стиль объективирования, связанный с документалистикой, и субъективный способ записи, отражающий субъективные и вневременные порывы души. Заметим, что короба в древности были надежным способом хранения и спасения рукописи от непредвиденных обстоятельств, что позволит М. Гершензону назвать «Опавшие листья»

попыткой спасения литературы от вырождения и умирания. Вместе с тем ирония и трагизм самоописания вскрывает причину внутреннего раздвоения. Создается своеобразная интимная философия критика, ибо в листьях явны отголоски античного восприятия трагического, переданные в многократных упоминаниях о роке, судьбе, фатальности бытия человека, виток жизни которого плетется высшими небесными силами. Розановская саморефлексия — это трагизм без внешнего конфликта, одиночество и религиозное чувство благоговения перед Богом.

Приведем несколько фрагментов «Опавших листьев».

Лист с надписью «1 р. 50 к.» представляет рассказ, снабженный фотографией, вписанной в общую структуру текста в качестве иллюстрации и графического пояснения смысла. Обычный путь превращен в особый нумизматический знак — символ культуры, бытия, жизни одной семьи. Первая часть рассказа, написанного в стиле ритмизованной прозы, представляет диалог-речитатив матери и отца, введение в сюжет монеты как бытовой детали оттеняется поэтическим тоном общения между больной женой и заботливым мужем. Монета становится коннотацией семейной гармонии, в которой обычный серебряный рубль может выступить в роли объекта описания целой исторической эпохи счастливых отношений. Но лиризм первой части снабжен безлично прозаически-документальным фактом подписи «больна 1 или 12 лет». Отсюда страдальческая интонация, переходящая в ощущение тоски о больной жене и неизвестном будущем подростков-детей. Отождествление детей с животными — слон Вера, зебра Варя, жирафа Таня — вводят читателя в мифологему тотемистического культового восприятия прошлого, раскрываемого через воспоминания. Здесь же фотопортрет бабушки-матери жены писателя Александры Рудневой, ушедшей из жизни, и фотография всех членов семьи — фото, символизирующие космос, семейный мир, высшее выражение интимности. Таким образом душа критика не только страдает, но и слышит, дышит, т. е. представлена словом и текстовой графикой. В. Розанов делает наглядной мысль Э. Гуссерля о дескрипции как основе феноменологии, о единицах сознания, не поддающихся описанию, а являющихся чистым переживанием. Для В. Розанова мучительно, что в процессе самовыражения может быть утрачено интимное Я. Поэтому он определяет степень своей вины перед «общей для всей семьи мамочкой» и Богом как трагическую,

ставшую метафизической причиной страданий семьи и т. д. Знаковый код информации открывает языковую природу переживания. От стремления к преодолению литературности и возникают пропущенные места, визуальность листьев, интонационное проговаривание текста, т. е. всё, что называется рукописностью. Н. Бердяев писал: «Есть у Розанова особенная таинственная жизнь слов, магия словосочетаний, притягивающая чувственность слов. У него нет слов отвлеченных, мертвых, книжных. Все слова — живые, биологические, полнокровные. Чтение Розанова — чувственное наслаждение. Трудно своими словами передать мысль Розанова. Да у него и нет никаких мыслей. Все заключено в органической жизни слов и от них не может быть оторвано. Слова у него не символы мысли, а плоть и кровь» [2, III, с. 249].

Противоречия между процессом написания текста и бытием его в качестве напечатанного В. Розанов воспринимал как конфликт между своим и чужим, ибо слово, в котором фиксируется переживание, вытесняет его экзистенциальное содержание. Слово, текст, ситуация стали для В. Розанова только составными элементами, включенными в опыт личного переживания. Интенция как бы напрягает смысл изнутри, создает его устойчивую смысловую структуру. Думается, что именно потому В. Розанова следует воспринимать не как «интимничающегося» (В. Соловьев) с читателем, а как критика, перекодирующего весь спектр чувств и смыслов, рожденных литературой и философией, в форму почти рукописного стиля, где есть место и иронии, и сарказму, и афоризму, и трагизму. Во втором коробе «Опавших листьев» наряду с ритмизованной прозой есть вольные стихи, подписи, играющие роль самостоятельного текста, выявляющие состояние автора во время обдумывания или написания текстов. Есть оценочные подписи, указывающие на имманентность коммуникативной ситуации. Задача литературы, с точки зрения критика, — помочь человеку выйти из состояния метафизического одиночества. Возникает новый блок культурной информации, связанной с кодом письма. Для представления метафизической темы апокалиптичности необходима была особая форма — так актуализируется у Розанова проблема письма. Возникает некая конструкция: 1) материал поставляет жизнь; 2) суть творчества заключается в том, чтобы начать с единичной вещи, существование которой «случайно открылось духу», и «далее, далее — до понимания неразложимых дан-

ностей, где предстает чистая сторона бытия»; 3) творчество видится как соотносительность творящего, творения и творимого; 4) мир человеческий — суть общее для творчества; 5) космос — общее для движения понимания; 6) самоопределяемость значима для искусства — его зарождение, развитие и выражение совершаются по своим внутренним законам, — и с нарушением их уничтожается или нарушается; 7) цель художественного творчества выводится из его сущности — оно не имеет цели вне себя и, раз пробудившись, по внутренней необходимости выливается во внешних формах, «так же свободно и так же бесцельно, как свободно и бесцельно торжественное настроение при виде звездного неба или радость при виде найденной утраты»; 8) творчество обладает автономией и собственным целеполаганием; 9) понимание «есть явление свободно-необходимое: свободное от всего, лежащего вне человека, но развивающееся необходимо по законам, лежащим в нем самом» [8, с. 515]; 10) понимание связано с включением в текст письма читателей, которых автор называет листьями-откликами. Часто они носят эксплицитно-семиотический характер. Любовь — боль — дар жизни — отрешенность — смерть объединяет В. Розанова и читателя, делает их сопричастными к божественной тайне, к беседе с Богом, к миру, «в котором смерть есть Рок и судьба и потому нужно выпросить у Бога чувство бессмертия». Вспомним Г. Флоровского: «Мы слышим в Писании и голос человека, отвечающего Богу; в словах молитвы или благодарения и хвалы... В Писании прежде всего поражает эта интимная близость Бога к человеку и человека к Богу, эта освященность всей человеческой жизни Божественным присутствием, эта осененность Земли Божественным покровом» [9, с. 122]. Созданное В. Розановым письмо становится примером рождения индивидуального мифа. Его призыв убежать от слов к делу, жить естеством, его представления о «чистой» внеязыковой реальности, сталкиваясь с проблемой «выражения невыразимого» (жизни как потока интенциональных переживаний), оформляются в миф о творчестве и становятся особым способом организации розановского текста. И этот текст восстанавливает в его сознании христианское учение о двух путях познания-постижения Бога: апофатическом — пути молчания и катафатическом — пути слова, объяснения, соединив их в целостное представление о реальности, понимании и письме, что и составляет суть модели кризиса сознания. В. Розанов бесконечно противоречив, и это закономерно.

Ибо есть в его судьбе мир творчества, соединенный с Божественным, мир трансцендентный, мир свободы личностной, и есть мир семьи (быта в широком смысле). В. Розанов разрывается между этими мирами (здесь и трагический брак с женой Ф. Достоевского, и проза жизни неосвященного брака, рождение и смерть детей). В этом разрыве и попытке преодолеть его и заключается трагизм коробов жизни В. Розанова и его метафизических исканий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бачинин А. Христианская мысль: Библия и культура. Христианство, социология и антропология / А. Бачинин. — СПб.: Новое и старое, 2006. — Т. VIII. — 180 с.
2. Бердяев Н. А. Собр. соч.: в 3 т. / Н. А. Бердяев. — Париж: YMCA-press, 1929.
3. Бубер М. Проблема человека / М. Бубер. — К.: Ника-Центр, 1998. — 96 с.
4. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. / В. В. Зеньковский. — Л.: Эго, 1991.
5. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов / Ф. Ницше. — Минск: Харвест, 2005. — 847 с.
6. Новиков Д. Христианское учение о человеке / Д. Новиков // Человек. — 2001. — № 1. — С. 119–127.
7. Розанов В. В. Pro et contra: в 2 кн. / В. В. Розанов. — СПб.: РХГИ, 1995. — Кн. 2. — 576 с.
8. Розанов В. В. О себе и о жизни своей / В. В. Розанов. — М.: Республика, 1996. — 876 с.
9. Флоровский Г. В. Богословские отрывки / Г. В. Флоровский // Избранные богословские статьи. — М.: Пробел, 2000. — 318 с.

КОРОБА ЖИТТЯ. ДО ПИТАННЯ ПРО МЕТАФІЗИЧНІ ПОШУКИ В. РОЗАНОВА

Ніна Раковська, канд. філол. наук, доцент

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

У статті розглядається літературно-критичний дискурс В. Розанова, пов'язаний з пошуками критика свого місця у культурному просторі. Визначається шлях критика від несвідомих рефлексивних стратегій до систематизації своєї концепції, сутність якої полягає в зчепленості понять — Бог, природа, людина, стать, сім'я. У пошуковому полі В. Розанова опиняються й аспекти жанрово-стильового оформлення проблем розуміння, пояснення сутності людини та її місця в світі. Торкається критик також особливостей мови, перекодування тезауруса, міфологізації. Акцентується рух концепції від статті «Святе диво буття»

до циклів «Короба». Зовні об'єктивна інформація містить внутрішньо суб'єктивний стан душі, дескрипцію святості. Очевидна інтимізація досліджуваних об'єктів спостереження (життя — буття).

Ключові слова: критика, метафізика, ландшафт, знакові коди батька і матері, божественне та стихійне.

LIFE BOXES. TO THE QUESTION OF METAPHYSICAL SEARCHES OF V. ROZANOV

Nina Rakovskaya, candidate of philological sciences (Ph. D. candidate)

Odessa I. I. Mechnikov National University

The article defines the literary-critical discourse of V. Rozanov, his relevance in the cultural space. The way of critic from undeliberate reflexive strategies to the systematization of his concept, the essence of which is in the synthesis of the concepts — God, nature, people, sex, family is determined. It is indicated that the searches of V. Rozanov are connected with understanding, executed in his own founded Thesaurus. The speech is also about genre styled special features of Rozanov's individual philosophy which is embodied in the lyric-epic texts. It — is emphasized the development of metaphysical ideas from the article «Holy Miracle of Genesis» to the cycles of the «Boxes». It is noted that the criticism of the seemingly objective information contains the inner subjective condition of the soul, description of sanctity. It's obvious of intimacy of the researched monitoring objects (life — genesis).

Key words: criticism, metaphysics, landscape, mother and father sign codes, divine and spontaneous.

REFERENCES

1. Bachinin, A. (2006), Hristianskaja mysl': Biblija i kul'tura. Hristianstvo, sociologija i antropologija [Christian thought: the Bible and culture. Christianity, sociology and anthropology], (Vol. 1–10), Izdatel'stvo «Novoe i staroe», St. Petersburg [in Russian].
2. Berdjaev, N.A. (1929), Sobranie sochinenii [Collected Works], (Vol. 1–3), YMCA-press, Paris [in Russian].
3. Buber, M. (1998), Problema cheloveka [The problem of man], Nika-Centr, Kiev, [in Russian].
4. Zen'kovskij, V.V. (1991) Istorija ruskoj filosofii [History of Russian Philosophy], (Vol. 1–2), Jego, Leningrad [in Russian].
5. Nicshe, F. (2005), Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe. Kniga dlja svobodnyh umov [Human, too human. Book for free minds], : Harvest, Minsk [in Russian].
6. Novikov, D. (2001), Hristianskoe uchenie o cheloveke [Christian doctrine of man], Chelovek [Human], no. 1, pp. 119–127 [in Russian].

7. Rozanov, V.V. (1995), Pro et contra [Pro et contra], (Vol. 1–2), RHGI, St. Petersburg [in Russian].
8. Rozanov, V.V. (1996), O sebe i o zhizni svoej [About me and about my life], Respublika, Moscow [in Russian].
9. Florovskij, G.V. (2000), Bogoslovskie otryvki [Theological excerpts], Izbrannye bogoslovskie stat'i [Selected Theological Articles], Probel, Moscow [in Russian].

Стаття надійшла до редакції 11 серпня 2017 р.